

Прокопенко Юрий Анатольевич

**ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ В V-III ВВ. ДО Н.Э**

Статья посвящена особенностям повседневной культуры населения Ставропольской возвышенности в скифский и раннесарматский периоды. На основании материалов, полученных в ходе исследования городищ и поселений Ставропольского плато, реконструируются основные виды хозяйственной деятельности: земледелие, скотоводство и охота. Значительное внимание уделяется характеристике домашних пород скота и анализу культивируемых злаковых растений. Также отмечены элементы культуры дома, праздничной культуры и особенности воспитания детей.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/34.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/34.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 142-146. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/](http://www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

УДК 93.902:94(395.1):94(398.1):998:331.101.3

**Исторические науки и археология**

*Статья посвящена особенностям повседневной культуры населения Ставропольской возвышенности в скифский и раннесарматский периоды. На основании материалов, полученных в ходе исследования городищ и поселений Ставропольского плато, реконструируются основные виды хозяйственной деятельности: земледелие, скотоводство и охота. Значительное внимание уделяется характеристике домашних пород скота и анализу культивируемых злаковых растений. Также отмечены элементы культуры дома, праздничной культуры и особенности воспитания детей.*

*Ключевые слова и фразы:* скифы; сарматы; повседневная культура; аграрная культура; культура животноводства; культура дома; праздничная культура.

**Прокопенко Юрий Анатольевич**, д.и.н.

Северо-Кавказский федеральный университет

*z\_proko\_15@mail.ru*

**ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ  
СТАВРОПОЛЬСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ В V-III ВВ. ДО Н.Э.<sup>©</sup>**

Повседневная культура населения Ставропольской возвышенности в V-III вв. до н.э. включает в себя: хозяйственный уклад, культуру дома, традиции воспитания, элементы праздничной культуры и др. Основу экономики населения Ставропольской возвышенности в V-III вв. до н.э. составляли земледелие и скотоводство [15, с. 296, 307 сл.].

О характере аграрной культуры у местных племен свидетельствуют материалы, полученные в результате раскопок Грушевского городища на юго-западной окраине г. Ставрополя. Здесь на селище и на защищенной каменными стенами площади цитадели выявлено много земледельческих орудий или их фрагментов. Это каменные зернотерки из плотного песчаника и более твердых пород камня, овально-вытянутой формы с отшлифованной, слегка вогнутой внутренней поверхностью. Также были найдены цилиндрические терочки для растирания зерна [13, с. 87-88].

Фрагменты зернотерок и других каменных орудий открыты и за пределами застроенной территории – в заполнении мусорных ям [2, с. 25]. Одна зернотерка из плотного песчаника со следами воздействия огня находилась в хозяйственной яме № 26 Татарского городища (южные окрестности г. Ставрополя) [4, с. 17].

Т. М. Минаева, ссылаясь на изображения в гробницах древнего Египта, подчеркивает ручной способ растирания хлебных злаков. По ее мнению, терочки держали двумя руками и двигали им по удлиненно-овальному камню [11, с. 267-268].

В числе земледельческих предметов, обнаруженных в культурных слоях Грушевского городища, следует отметить более сложные орудия для размала зерна. Это фрагменты 10-ти жерновов от ручной мельницы. Они в форме плоского круглого диска с округлым отверстием в центре для закрепления на металлической оси. По мнению исследователя городища А. В. Найденко, ось была железной, поскольку, на медной или бронзовой, тяжелый диск из плотного известняка не мог бы удерживаться. Жернова были двух категорий: первый вариант – в среднем до 0,6 м в диаметре; второй – до 0,3 м в диаметре. Как считает автор, первые использовались для получения муки, вторые – для обработки проса на крупу (просорушки) [13, с. 88].

В скифский период для проведения аграрных работ уже используются бронзовые мотыги. Три экземпляра таких орудий открыты на поселении Уллубаганалы. Бронзовые мотыжки имеют ближайшие аналогии в одновременных памятниках Закавказья [5, с. 64].

В Прикубанье жатва производилась железными серпами. На поселениях Ставропольской возвышенности в скифский период, видимо, продолжали использоваться характерные для эпохи бронзы вкладышевые серпы. Например, на Грушевском городище при раскопках неоднократно встречались кремневые пластины, характер сточенности края и главное – ретуши которых позволяет предполагать в них вкладыши в деревянную или костяную основу серпа. Кремневый микролит подпрямоугольной формы был случайно найден на городище в 2001 г. [18, с. 37].

К середине I тыс. до н.э. вкладышевые и бронзовые серпы, характерные для эпохи бронзы, скорее всего, заменяются железными. В частности, при исследовании поселения Кишпек – 2 (функционирование завершается в VII в. до н.э.) (территория Кабардино-Балкария) на пространстве между тремя хозяйственными ямами был выявлен клад, состоящий из 6-ти бронзовых серпов [14, с. 270]. К VII в. до н.э. относятся: обломок железного серпа с поселения у г. Верблюды и железный серп из погребения могильника Индустрия – 2 близ г. Кисловодска [20, с. 17].

Важнейшим аргументом в пользу занятий земледелием стали находки зерен злаковых растений. Основными культурами, которые возделывались на Кубани в меото-сарматскую эпоху, были пшеница (мягкая и двузернянка – полба), ячмень и просо.

Данные зерновые культуры (кроме пшеницы двузернянки) характерны и для сельского хозяйства Центрального Предкавказья. По сведениям В. И. Козенковой, в Сержень-Юртовском поселении в яме № 45 (раскоп 5, 1963 г.) в помещении XI оказались остатки зерен мягкой пшеницы и много зерна магары (итальянское просо – *Setaria italika*). В основном слое (раскоп 3, 1964 г.) была найдена глиняная миска с остатками каши и зерен мягкой пшеницы, ржи (*Secale cereale* Z) и магары сорта *Panikum italikum* Z. Близ помещения VII, в яме № 22 (раскоп 5, 1964 г.) были найдены остатки соломы вместе с зернами мягкой и твердой пшеницы (*Triticum durum* Dest), ячменя (*Hordeum vulgare*), ржи и магары [7, с. 88]. Характерно, что Страбон в числе племен Предкавказья отметил троглодитов (пещерников), из-за холодов обитающих в звериных берлогах, «но даже у них много ячменного хлеба», а также селения исадиков, «которые еще в состоянии заниматься земледелием, так как живут не на самом севере» (Страбон, XI, V, 7).

Остатки зерен пшеницы обнаружены при раскопках поселения «Заслонка» в развале гончарной печи середины I тыс. до н.э., а также в погребениях Исправненского могильника [6, с. 65].

Как в Прикубанье и в предгорьях Кавказа в степном Предкавказье одним из основных культивируемых злаков являлось просо. В частности, в тесте керамической кружки из кургана № 12 могильника Новозаведенное – II (Георгиевский р-он Ставропольского края) были обнаружены отпечатки просяных зерен [10, с. 218]. В одном из горшков на Грушевском городище найдены истлевшие зерна этого злака [13, с. 88]. Также просо было обнаружено на дне чернолощеного сосуда в погребении 6, кургана 2 у с. Нижняя Татарка (южные окрестности г. Ставрополя) [15, ед. хр. 3, л. 12].

Кроме проса население Ставропольской возвышенности выращивало пшеницу, ячмень и рожь. В частности, район г. Ставрополя находится в непосредственной близости от армавирской группы меотских городищ (здесь выявлены зерна указанных злаков). В IV-III вв. до н.э. ставропольские поселения (Грушевское, Татарское, Варваринское и др.) имели постоянные торгово-экономические контакты с этим районом Прикубанья [17, с. 27 сл.].

О большом значении сельскохозяйственных культур в жизни племен Предкавказья свидетельствуют сведения о характере питания населения этого района. По мнению А. В. Найдено, зерна проса в одном из сосудов Грушевского городища – это остатки каши. По словам автора, подобная каша в горшке найдена при раскопках позднекобанского могильника VI-IV вв. до н.э. близ станицы Исправной на р. Большой Зеленчук [8, с. 88]. Другой вид каши был встречен в глиняной миске при исследовании основного слоя Сержень-Юртовского поселения (раскоп 3, 1964 г.). Здесь в составе каши присутствовали зерна мягкой пшеницы, ржи и магары. В этом районе иногда в пищу шли и некоторые плоды дикорастущих растений, о чем свидетельствуют, вместе с находками культурных растений, находки кизиловых косточек, желудей и косточек дикого винограда [7, с. 88].

Кроме земледелия в экономике населения Ставропольской возвышенности важнейшим видом хозяйственной деятельности являлось скотоводство [19, с. 23 сл.].

В культуре животноводства, судя по количеству выявленных остатков, самой многочисленной группой среди домашних животных поселений региона скифского и раннесарматского времени является мелкий рогатый скот: овцы и козы. По росту в холке мелкий рогатый скот приближается к овцам лесной полосы раннего железного века.

Вторым по количеству (в выборках из трех поселений) является крупный рогатый скот (КРС). По мнению А. К. Швыревой, так как вес КРС в 7 раз превышает вес овец, то по количеству мясной продукции в стаде крупный рогатый скот на Татарском городище занимал первое место [22, с. 181-182]. Разница в росте волов с Ташлянского и Чапаевского поселений свидетельствует о существовании 2-х пород КРС. По размерам в холке и пропорциям местные коровы ближе всего к скифскому КРС лесостепей.

Выявленная возрастная изменчивость КРС из перечисленных местонахождений указывает на то, что животные служили для получения продуктов питания. Второе направление – использование в качестве тягловой силы и рабочего скота. Чаще всего для этой цели служили вола.

Домашняя свинья занимает третье место как источник мяса. Кроме того, присутствие домашних свиней указывает на оседлый образ жизни древних поселенцев. Домашние свиньи Грушевского городища были некрупными. Они мало отличались от свиней скифского времени европейской лесостепи. Материалы Ташлянского городища характеризуют возраст выбираемых на заклание животных от 4-6 месяцев (поросята) до 18-19 месяцев. Особый интерес представляют остатки свиньи, обнаруженные под постройкой Чапаевского поселения, свидетельствующие о заготовке свинины впрок [3, с. 8].

По количеству остатков лошадь в ряде случаев не уступает показателям свиньи, а в Чапаевском поселении и Грушевском городище – крупному рогатому скоту. Однако по количеству получаемой мясной продукции лошадь занимала второе место [22, с. 181-182]. Судя по размерам (пястей и плюсен) путовых костей, лошади не отличались крупными размерами. Это среднерослые (Ташлянского городище) и низкорослые лошади (Грушевское и Татарское городища).

Исходя из соотношения в остеологическом материале домашних и диких животных, охота в хозяйстве древних поселенцев играла соподчиненную роль. Желанными охотничьими трофеями были косули и зубры, населявшие, очевидно, в скифо-сарматское время леса Ставропольской возвышенности в изобилии. Наиболее важным объектом охоты был благородный олень, дававший единовременно достаточное количество мяса, а также шкуры и рога для поделок.

Дикие животные в основе питания жителей городища занимали второстепенное значение и использовались в двух направлениях: копытные давали мясную продукцию, а лисица и в меньшей степени зайцы и барсуки – пушнину [19, с. 25].

Единичные находки остатков птиц (2 особи) указывают на недостаточность внимания древних поселенцев к птицеводству и охоте на птиц. Хотя отсутствие среди кухонных остатков птичьих костей может быть связано с тем, что они без остатка съедались собаками.

Незначительную роль в хозяйстве играло рыболовство. Об этом свидетельствуют находки костей осетровых на Грушевском городище.

Домашние животные использовались не только для получения мяса и молока. Находки пряслиц на городищах: Ташлянское, Грушевское и др. служат доказательством об использовании волосяного покрова коз и овец для изготовления пряжи [Там же, с. 24]. Шкуры как домашних, так и диких животных, вероятно, выделялись для кожевенных изделий, на что указывают находки в подъемном материале Ташлянского и Грушевского городищ керамических и кремневых скребков для мездрения шкур.

Пищу готовили на кострах и в печах. Для варки мяса использовали бронзовые котлы скифского типа (фрагмент такого котла выявлен при исследовании Грушевского городища). Однако в основном использовали керамическую посуду. Доминируют формы, характерные для керамического комплекса западного варианта кобанской культуры: корчаги, миски, кубки, кружки и др.

Как уже отмечалось, шерсть животных использовалась для выделки одежды. В слоях поселений V–III вв. до н.э. найдено значительное количество керамических пряслиц по формам, характерным для ткаческой традиции племен кобанской культуры (биконических, конических, дисковидных, округлых и др.). Однако в IV–III вв. до н.э., видимо, в связи с контактами с меотами Среднего Прикубанья у населения верхнего течения Кубани и Ставропольского плато распространяется инновационная технология – вертикальный ткацкий станок (заимствован меотами у древних греков поселений Азиатского Боспора). Об этом свидетельствуют находки в регионе пирамидальных керамических грузиков (Грушевское городище, Татарское городище, Дружбинское городище и др.). Следует предположить, что на Ставропольской возвышенности незначительное количество одежды производилось руками собственно греков. В частности, в слоях IV–III вв. до н.э. Грушевского городища обнаружено крупное биконическое пряслице, выполненное на гончарном круге из кремнево-розовой глины [16, с. 262, рис. 258, 10]. Существует мнение, что Грушевское городище в III в. до н.э. являлось местом проживания боспорских купцов.

В процессе костюмных контактов автохтонных народов Предкавказья с ираноязычными этносами особую роль играли миграции кочевых племен с их последующим сосуществованием с горцами в рамках узколокальной территории. В результате в районах их смешения (Ставропольское плато) для одежды данного населения характерны элементы костюма скифов (головные уборы, обувь и др.).

В частности, в кургане 2 могильника № 2 Татарского городища выявлена золотая прямоугольная пластинка с изображением лося V в. до н.э. [9, с. 22, рис. 2, 4]. Подобные пластинки являются деталью декора скифского женского головного убора – калафа (покрывала – накидки калафа). Например, подобные прямоугольные пластинки с личинами и изображениями грифона украшали покрывало калафа из кургана 8 (группа пять братьев) Елизаветовского могильника [21, с. 80, 82].

К числу женских головных уборов, вошедших в костюм миксированного населения Ставропольской возвышенности, кроме калафов, возможно, следует отнести клобуки. О том, что, такие головные уборы находились в обиходе населения степной зоны Центрального Предкавказья достаточно долго, свидетельствует реконструкция костюма сарматки (в том числе клобука) из погребения 11 кургана 21 могильника Веселая Роща – III, выполненная Т. В. Мирошиной [12, с. 153–155, рис. 7].

Судя по изваянию № 1 (плоский рельеф – изображение фигуры мужчины), выявленному в балке Беспутке (западные окрестности г. Ставрополя), для мужской половины населения Ставропольского плато в IV в. до н.э. был характерен скифский костюм. Репертуар изображенных на изваянии предметов включает ритон, пояс (показан на трех гранях памятника), короткий акинак и обувь. О том, что персонаж изображен в обуви – мягких сапожках, – свидетельствует как общий контур ступней, так и рельефные перетяжки, видимо, кожаные ремешки-завязки, использовавшиеся при носке сапожек-скифских [1, с. 61–62, рис. 1].

Это изображение является свидетельством включения в повседневную культуру местного населения музыки и танцев, т.е. элементов праздничной культуры. Судя по положению ступней, изображенных на изваянии, персонаж показан в «танцевальной» позе: стоящим на подогнутых кончиках пальцев, причем верхние части стоп направлены друг к другу. Следует отметить, что танцевальные фигуры, идентичные воспроизведенной на изваянии, известны в этнографических танцах некоторых народов Кавказа [Там же, с. 61].

Рассматривая особенности повседневной культуры населения региона, особо нужно коснуться особенностей воспитания и обучения детей. Конечно, они любили играть. Игры были ролевыми – перевоплощение в воинов, ремесленников, хозяек и т.д. В числе погребального инвентаря выявлены вотивные предметы: модели клевцов (и др. оружия), миниатюрные сосуды и др. В захоронениях такие вещи являлись культовыми, в обыденной жизни могли использоваться в качестве игрушек. Малышей иногда баловали – дарили детенышей животных для игры. Например, на Ташлянском I городище (северо-восточные окраины г. Ставрополя) были найдены кости лисенка, видимо, этих животных содержали в неволе – для развлечения детей.

Как только начинали ходить, дети принимали посильное участие в трудовой деятельности взрослых. Были рядом, наблюдали, и в игровой форме получали навыки полевых работ, ухода за животными, ремесленного производства. Посещая мастерскую отца, ребенок пытался подражать его деятельности. Об этом свидетельствуют находки в зоне мусорных ям Грушевского городища серии миниатюрных сосудиков, грубо вылепленных, ассиметричных, явно являющихся поделками детских рук [2, с. 24, 25].

В качестве заключения следует отметить синкретичный характер повседневной культуры населения Ставропольской возвышенности в IV-III вв. до н.э. Связано это с тремя факторами. Во-первых, наблюдается продолжение традиций автохтонных племен кобанской культуры (основа земледельческого комплекса, домостроительная культура, керамическое и ювелирное производство, часть традиций животноводства, пищевая культура и др.). В данный период фиксируется продолжение традиционных связей с кобанским населением Верховьев Кубани и района Кавминвод, а также с племенами (восточно-кобанскими?) Затеречья (появление ряда керамических форм, характерных для территории Чечни и Ингушетии).

Во-вторых, органичное включение в культуру местного оседлого населения элементов, характерных для кочевников (основная часть животноводческого комплекса, часть форм украшений, костюмный комплекс, элементы праздничной культуры).

В-третьих, влияние на материальную культуру племен, заселявших Ставропольскую возвышенность, традиций меотоприкубанья и античной культуры Северного Причерноморья (сходство набора культивируемых растений, распространение меотских керамических и ткацких технологий, появление античных архитектурных приемов). В конце IV – III в. до н.э. ставропольские поселения имели постоянные торгово-экономические контакты с племенами Прикубанья. Однако в отличие от Прикубанья культура обработки зерна и его хранения у жителей предгорий Центрального Предкавказья была невысокой.

#### *Список литературы*

1. **Белинский А. Б., Ольховский В. С.** Комплекс скифских изваяний со Ставрополя // Историко-археологический альманах. Армавир – М., 1996. Вып. 2. С. 59-66.
2. **Березин Я. Б.** О топографии Грушевского поселения (на материалах раскопок 1995 г.) // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т. М. Минаевой (г. Ставрополь, 26-27 января). Ставрополь, 1997. С. 25-26.
3. **Березин Я. Б.** Строения и сооружения Чапаевского поселения (г. Ставрополь) // Вторая Кубанская археологическая конференция: тезисы докладов. Краснодар, 1993. С. 8-9.
4. **Березин Я. Б., Каминский В. Н., Малашев В. Ю.** Татарское городище и формирование памятников типа Татарка – Вербовка. М., 2012. 206 с.
5. **Ковалевская В. Б.** Кавказ и аланы. М., 1984. 184 с.
6. **Козенкова В. И.** Кобанская культура. Западный вариант // Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2-5. Т. 3. 184 с.
7. **Козенкова В. И.** Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. 224 с.
8. **Козенкова В. И., Найдено А. В.** Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) // Советская археология. 1980. № 1. С. 86-92.
9. **Кудрявцев А. А., Прокопенко Ю. А., Черкасов В. Н.** Итоги изучения кургана № 2 могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24-26 апреля 2003 г.). Ставрополь, 2003. С. 19-24.
10. **Маслов В. Е., Петренко В. Г.** Курганы № 12 могильника Новозаведенное – II // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Ставрополь, 1998. Вып. 1. С. 216-222.
11. **Минаева Т. М.** К истории земледелия на территории Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1960. Вып. 10. С. 267-271.
12. **Мирошина Т. В., Державин В. Л.** Сарматские погребения из могильника Веселая Роща III // Советская археология. 1988. № 4. С. 153-157.
13. **Найденко А. В.** К вопросу о ранней истории земледелия на территории Ставрополя // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа: материалы межрегиональной научной конференции (25 декабря 1988 г.). Ставрополь, 1999. С. 87-90.
14. **Нарожный Е. И., Савенко С. Н.** Поселение «Кишнек-2» – новый бытовой памятник начала позднекобанского времени (Центральное Предкавказье) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы международной научной конференции (г. Магас, 26-28 апреля 2010 года). Магас, 2010. С. 270-271.
15. **Нечитайло А. Л.** Отчет о раскопках курганов у села Нижняя Татарка Ставропольского края в 1967 г. // Архив Ставропольского государственного краеведческого музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева, Г. К. Праве. Ф. 70.
16. **Прокопенко Ю. А.** Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. 802 с.
17. **Прокопенко Ю. А.** Связи населения Центрального Предкавказья (вторая половина I тыс. до н.э.). Saarbrücken: LAP, 2012. 574 с.
18. **Прокопенко Ю. А.** Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй половине I тыс. до н.э.: в 2-х ч. Ставрополь, 2014. Ч. II. 725 с.
19. **Прокопенко Ю. А., Швырева А. К.** Значение животноводства и охоты у населения городищ Ставропольской возвышенности в скифское и раннесарматское время // Из истории народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Ставрополь, 2004. Вып. 6. С. 19-25.
20. **Рудницкий Р. Р., Фоменко В. А.** Археологические памятники у г. Верблюды. Пятигорск, 2005. 47 с.
21. **Скрипник Т. А.** Головной убор скифянки из Елизаветовского курганного могильника // Донская археология. 1999. № 2. С. 76-84.
22. **Швырева А. К.** О мясном потреблении и прижизненной эксплуатации домашних животных Татарского городища во второй половине I тыс. до н.э. // Седьмые Прозрителевские чтения: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (22-23 апреля 2012 г.). Ставрополь, 2013. С. 181-182.

## EVERYDAY CULTURE OF STAVROPOL UPLAND POPULATION IN THE V-III CENTURIES BC

Prokopenko Yurii Anatol'evich, Doctor in History  
North-Caucasus Federal University  
z\_proko\_15@mail.ru

The article is devoted to the features of the everyday culture of Stavropol upland population in the Scythian and Early Sarmatian periods. Basing on materials received during the study of the settlements and colonies of Stavropol plateau, the author reconstructs the main activity: agriculture, cattle breeding and hunting. Considerable attention is paid to the characterization of domestic livestock and to the analysis of cultivated cereals. The article also mentions the elements of home culture, festive culture and the features of children upbringing.

*Key words and phrases:* the Scythians; the Sarmatians; everyday culture; agrarian culture; culture of cattle breeding; home culture; festive culture.

УДК 747.54; 726.03

**Искусствоведение**

*В статье описаны основные историко-культурные предпосылки становления наружной рекламы в Западной Европе XI-XIX вв. как жанра художественно-изобразительной культуры, выделены основные этапы ее развития, освещена проблема актуальности синтеза профессионального изобразительного искусства и наружной рекламы. Обозначена важность применения основных искусствоведческих критериев для улучшения художественно-эстетического состояния наружной рекламы. Рассмотрены некоторые примеры работ для определения уровня художественности произведения в контексте применения их в наружной рекламе.*

*Ключевые слова и фразы:* наружная реклама; профессиональное изобразительное искусство; художественность произведения; художественно-эстетическое состояние наружной рекламы; искусствоведческие критерии оценки наружной рекламы.

**Прохоров Сергей Анатольевич**, к. психол. н., доцент

**Зубань Анастасия Николаевна**

*Институт архитектуры и дизайна*

*Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова*

prokh64@mail.ru; nastsvet@ya.ru

**СИНТЕЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XI-XIX ВВ.®**

Можно сказать, что выдающимся феноменом нашего времени является наружная реклама. Она стала неотъемлемой частью визуальной среды, её присутствие мы ощущаем повсюду. Современная наружная реклама зачастую стала носить экстенсивный характер и в связи с этим нуждается в особом внимании со стороны художественного содержания. Детерминация и исследование художественной составляющей наружной рекламы необходимы для осознания и понимания процесса формирования её как особой формы современного искусства.

Для анализа образа современной наружной рекламы необходимо погрузиться в изучение исторических предпосылок синтеза профессионального изобразительного искусства и объектов уличной рекламы Западной Европы, являющейся родоначальником наружной рекламы.

Рассмотренный период интересен именно тем, что он включает в себя все важнейшие события и этапы развития рекламной деятельности, без которых невозможно было бы становление наружной рекламы как специфического жанра рекламного искусства.

Результаты такого исследования помогут определить уровень художественности в произведениях мастеров рекламного искусства Западной Европы XI-XIX вв., что предоставит информативно-художественную базу для формирования подхода к решению художественных и коммуникативных задач в современной наружной рекламе.

В своем исследовании художественности рекламного образа Е. Н. Ефремова предполагает, «...что реклама и искусство имеют общие точки соприкосновения, и продукт рекламы, подобно произведению искусства, возможно оценивать категориями искусства» [12, с. 66]. Предположим, что наружная реклама и искусство имеют не только точки соприкосновения, а подвергаются процессу синтеза. На примере историко-культурных событий Западной Европы XI-XIX вв. постараемся найти ключевые моменты их соединения.

Потребность в развитии рекламной деятельности, в том числе и наружной рекламы, возникает в период раннего Средневековья, начиная с XI века с возникновением новой ступени урбанистической культуры и возрождением городского образа жизни.